

УДК 811.161.1 : 811.161.3

UDC 811.161.1 : 811.161.3

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
«ТИТУЛАТУРНОЙ ВОЙНЫ»
МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА
И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО НА РУБЕЖЕ
XVI–XVII ВВ.**

**COMMUNICATION STRATEGIES OF
THE «TITULAR WAR» OF THE
MOSCOW STATE AND THE GRAND
DUCHY OF LITHUANIA AT THE
TURN OF THE 16TH-17TH
CENTURIES**

Н. В. Соловьёва,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7256-6650>

Поступила в редакцию 28.06.2024.

N. Solovyova,

*PhD in linguistics, Associate Professor
of the Department of Linguistics
and Linguodidactics of the Belarusian
State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7256-6650>

Received on 28.06.2024.

В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности дипломатического дискурса царя Бориса Годунова и приближенных бояр в рамках «титularной войны» с правящей элитой Великого княжества Литовского (ВКЛ). Необходимость международного признания титула «царь» для первого избранного, а не «прирожденного» московского государя на фоне отсутствия значительного опыта дипломатического общения после двух с половиной веков вассальной зависимости русских земель от монголо-татар стимулировала поиск эффективных средств коммуникативного воздействия на литовских оппонентов, упорно не желавших признавать легитимность царского титула. На материале старорусских и старобелорусских посольских документов 1600–1602 гг. выявляются основные коммуникативные стратегии, реализованные московской стороной в попытке легитимизации титула «царь», анализируются условия и результаты использования коммуникативных тактик.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, титул, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, Борис Годунов, Лев Сапега, XVII век.

The article examines the communicative and pragmatic features of the diplomatic discourse of Moscow sovereign Boris Godunov and his entourage within the framework of the “titular war” with the ruling elite of the Grand Duchy of Lithuania (GDL). The fundamental need for international recognition of the title of “tsar” for the first elected and not “natural-born” Moscow sovereign, against the lack of significant experience in diplomatic communication after two and a half centuries of vassalage, stimulated the search for effective means of communicative influence on Lithuanian opponents who stubbornly refused to recognize legitimacy of the royal title. Based on the material of the Old Russian and Old Belarusian embassy documents of 1600-1602 the author reveals the main communication strategies implemented by the Moscow side in an attempt to legitimize the title of “tsar”, and analyzes the conditions and results of the use of communication tactics.

Keywords: diplomatic discourse, title, communication strategies, communication tactics, Boris Godunov, Lew Sapieha, XVII century.

Введение. На фоне неослабевающего интереса лингвистов к изучению различных видов институционального дискурса практически полное отсутствие исследований, посвященных изучению особенностей дипломатической коммуникации, кажется парадоксальным [1, с. 47]. Вместе с тем актуальность и перспективность изучения дипломатического дискурса, «в процессе которого часто в прямом смысле решаются судьбы стран и народов» [2, с. 68], не вызывает сомнений.

Коммуникативно-прагматические особенности языка дипломатии представляют интерес как с точки зрения современного состояния, так и в динамике: обращение к лингвисти-

ческому материалу предыдущих эпох позволяет не только понять природу дипломатического общения как особого вида институционального дискурса, но и выявить факторы, влияющие на успешность дипломатической коммуникации, способствующие или же препятствующие достижению коммуникативных целей в межгосударственном взаимодействии.

При значительном сходстве политического и дипломатического дискурсов последний все же имеет ряд специфических отличий, среди которых – значительное внимание к титулованию адресата [3, с. 167]. В этом отношении в истории русской дипломатической коммуникации особенно выделяется эпоха XVI–XVII вв.,

когда вопрос титулования государя получил особое звучание. После венчания Ивана IV на царство (1547 г.) польско-литовский монарх Сигизмунд II наотрез отказался именовать московского государя «царем», что положило начало настоящей «титудатурной войне» – именно такое название получила в научной литературе борьба Москвы за признание царского титула со стороны польско-литовских правителей [4; 5].

В эпоху правления царя Федора Ивановича титулатурный вопрос отошел на задний план, однако зазвучал с новой силой с приходом к власти Бориса Годунова: признание «царем и самодержцем» со стороны других монархов, в особенности со стороны ближайшего соседа – короля польского и великого князя литовского Сигизмунда III, имело принципиальное значение для первого русского избранного, а не «прирожденного» государя.

Титулатурная полемика Бориса Годунова и московских бояр с литовскими оппонентами нашла отражение в дипломатических документах, сохранившихся в составе дневниковых записей посольской миссии ВКЛ в Москве (1600–1601 гг.) [6; 7], и в статейном списке ответного русского посольства к королю Сигизмунду III [8, с. 74–170], послуживших основным источником фактического языкового материала для настоящего исследования коммуникативно-прагматических особенностей дипломатического дискурса «титудатурной войны», которое проводилось на основе лингвистического наблюдения и описания, историко-культурной интерпретации, лингвопрагматического и риторического анализа.

Обсуждение результатов. Начало XVII в. выдалось насыщенным в дипломатических отношениях ВКЛ и Московского государства: подходил к концу срок подписанного в 1591 г. перемирия, и в условиях разгоревшегося конфликта Сигизмунда III и Карла Седермаландского из-за шведской короны польско-литовская сторона была крайне заинтересована в подписании нового соглашения с восточным соседом. Именно с этой целью осенью 1600 г. в Москву отправилось литовское посольство во главе с канцлером ВКЛ Львом Сапегой. Ситуация, однако, разворачивалась так, что ключевым и едва ли не главным в переговорном процессе двух государств в этот период стал вопрос о легитимизации царского титула, что спровоцировало новый виток «титудатурной войны» между русским и польско-литовским монархами.

Первая же состоявшаяся переговорная сессия была посвящена исключительно обсуждению царского титула, по итогам которого литовской стороне был вручен письменный

документ – своего рода дипломатическая нота с претензией о неполном титуловании московского государя «не по царскому достоянию», где от лица Бориса Годунова были изложены аргументы в пользу традиционного и легитимного характера царского титула¹.

Центральной коммуникативной стратегией русского монарха в этом документе является стратегия аргументации, основу которой составили рациональные доводы как фактологического, так и псевдофактологического характера. К числу последних относится «легенда о дарах Мономаха», повествующая о том, что царский титул и регалии были подарены киевскому князю Владимиру Мономаху византийским императором Константином Мономахом. Возникнув на рубеже XV–XVI вв. как внутривосточный миф, объясняющий природу царской власти [9], во внешнеполитической коммуникации в качестве обоснования легитимности царского титула «легенда о дарах Мономаха» была использована еще Иваном IV в титулатурных спорах с королем Сигизмундом II. Тогда, в середине XVI века, литовская сторона не нашла существенных оснований для возражения, однако по всему очевидно, что легенда о царе Мономахе крайне заинтересовала политическую элиту ВКЛ. Контраргумент Л. Сапеги в ответном послании Борису Годунову свидетельствует о глубоком и скрупулезном изучении вопроса литовской стороной: «preznie Wielikie Hspdry wasi wsi sprzodkow swoich z dawna nikoli toho Tytulu Carskoho nietolko u Wielikich Hspdrej u Wielikich Kniaziej Litowskich niedomahalisie, ale u sami ieho nieuzywali u w hramotach swoich nieopisywali» [6, с. 39].

Помимо «легенды о дарах Мономаха», в качестве рациональных аргументов для подтверждения легитимности царского титула в документе, переданном литовским послам московской стороной, фигурируют: 1) преемственность по праву завоевания Казанского (1552 г.), Астраханского (1554 г.) и Сибирского (1598 г.) ханств, правители которых в русских деловых документах этого периода назывались «царями»; 2) соответствие внутрисоциальным традициям (обряд венчания на царство) и международным конвенциональным установкам («ссылка» с другими монархами

¹ Список этого документа на старобелорусской «латинке» сохранился в составе дневниковых записей секретаря посольской миссии ВКЛ Г. Пельгримовского под заглавием «Cedula od Moskwy podana o Carski Tytul» [6, с. 35–38]; на полученную от московских бояр ноту участники литовского посольства подготовили письменный ответ, который также включен в состав дневника под заглавием «Respons Ich Mci na te cedule Moskiewska, o Carski Tytul» [6, с. 38–41].

для объявления о своем статусе); 3) «всеобщее» признание титула со стороны христианских и мусульманских правителей [6, с. 37–38].

В силу отсутствия опыта международного общения после более чем двух с половиной веков монголо-татарского ига рациональная аргументация представлялась московским властям наиболее логичным и понятным способом убедить оппонентов в исконности и традиционном характере царского титула. В то же время понимая крайнюю заинтересованность послов ВКЛ в заключении мирного соглашения, Борис Годунов не ограничился лишь фактологическими доводами и прибегнул к коммуникативной стратегии нападения, используя шантаж и угрозы в адрес литовской стороны: «*budet Zygmont Korol naszoho Carskoho ymienowania nieopisze spolna po Naszomu Carskomu dostoianiu, y miez naszoho Carskoho wieliczestwa y Hspdra Waszoho Zygmonta Korola <...> pokoy Chrzescianski statysią niemozet ykrowo rozlicie wo chrzescianstwie nieperestanet A Hspdra Waszoho Zygmonta Korola Zygmontom Polskim y Wielikim Kniaziem Litowskim a nie Korolem*» [6, с. 38].

Использование агрессивных коммуникативных тактик не привело, однако, к ожидаемому результату: канцлер Л. Сапега решительно отказался признавать царский титул. После этого, как замечает И. А. Прохоренков, в истории посольства Сапеги наступает самый тяжелый этап [10, с. 713]. Не добившись признания титула и поручив боярам обсуждать возможные условия перемирия, царь Борис погрузился в молчание, сославшись на болезнь.

Прервать трехмесячную паузу, которая, по сути, была попыткой деморализовать, «взять измором» литовских послов в борьбе за титул, по мнению историков, Годунова заставила изменившаяся политическая ситуация на южных границах ВКЛ, а также отсутствие ожидаемых результатов в переговорах Москвы со Швецией [10; 11].

Поскольку позиция московской стороны в дипломатической полемике с литовскими послами больше не выглядела такой уж сильной, Годунов принял решение все же заключить перемирие как «истинный милосердый хрестыанский государь, по своему царскому милосердью жалѣя о хрестыанстве» [8, с. 111]. При этом московская сторона настояла, чтобы из титулатуры Сигизмунда были исключены «шведские» титулы «дедичного короля шведского, готского, вандалского и княжати финляндьского» [8, с. 121]. Формальная причина – отсутствие официального уведомления о наследовании королевского титула – не могла скрыть истинных намерений узавлен-

ного монарха, которые разглядел еще Н. М. Карамзин: «Въ самомъ же дѣлѣ мы пользовались случаемъ мести за старое упрямство Литвы называть Государей Россійскихъ единственно Великими Князьями» [12, с. 36–37].

Фактически неупотребление «шведских» титулов можно рассматривать как способ реализации коммуникативной стратегии дискредитации, целью которой, как известно, является унижение политического противника [13, с. 12; 14, с. 105]. Между тем истинная коммуникативная интенция Бориса Годунова не ограничивалась ответным ударом по самолюбию Сигизмунда – для царя было не менее важным продемонстрировать решительный настрой и готовность к радикальным мерам в решении титулатурного вопроса, что подтверждает еще один показательный эпизод, упомянутый в записях Г. Пельгримовского. Гонец, которому накануне отъезда литовских послов из Москвы было поручено передать подарки от государя, вместо привычного титула Бориса Годунова произнес новый и весьма странный: «*Božu miłosciu wielki, miłosciwy, miłosierny, preswieszczajuszczy, proswietny, hospodar wostoczny, sijaciel, wielki car i wieliki hospodar, skiptr derżaczy, wsim carom i korolom ustrasztyiel, jedyny podslonoczny wieliki hospodar chrześcijański, mnohich carow i carstw wielki obładatiel i samodzierżec i innych powielitiel, kniaź Borys Fiedorowicz wsieja Rusi*» [7, с. 208]. Употребление такой намеренно гиперболизированной «псевдотитулатуры» – еще один тактический прием самопрезентации русского монарха, который не только должен был произвести впечатление на оппонентов, показать масштабность и неограниченность царской власти, но и продемонстрировать насмешливое и пренебрежительное отношение к литовским послам, о чем свидетельствует и возврат Годуновым подарков, врученных ему по приезде литовской стороной [7, с. 209].

Л. Сапега с товарищами прекрасно осознавали сложность ситуации, поэтому не стали настаивать на упоминании «шведских» титулов Сигизмунда III при составлении текста перемирного договора в Москве. Решение титулатурного вопроса, таким образом, откладывалось для обеих сторон до ответного визита царских послов к Сигизмунду III.

Встреча московских дипломатов, возглавляемых М. Г. Салтыковым-Морозовым, с польско-литовским государем состоялась зимой 1601 г., и вопрос о признании Бориса Годунова «царем и самодержцем» сразу же был обозначен в качестве приоритетного. Вне всякого сомнения, московская сторона сделала вывод из неудачной попытки легитимизации царского титула, совершенной во время недавнего

визита канцлера Л. Сапеги в Москву: рациональные доводы в пользу легитимного и традиционного характера царского титула, прозвучавшие в рассмотренном выше послании Годунова, теперь в посольских речах М. Г. Салтыкова-Морозова были «свернуты» в речевую формулу, которую можно обозначить как «формула преемственности и признания»: «титлы сполна по его царскому достоинству, что великому государю нашему Бог дал *от прежнихъ великихъ государей царей Російскихъ*, и как его царское величество *описуютъ всѣ великіе государи*» [8, с. 129]. Эта формула, звучащая лейтмотивом на протяжении всех четырех переговорных сессий, по-видимому, должна была обеспечить эффект суггестивного воздействия, поскольку, как известно, повтор является одним из наиболее действенных приемов речевых манипуляций [15, с. 268].

Именно манипулятивная стратегия становится доминирующей в очередной попытке московских дипломатов склонить литовских оппонентов к признанию царского титула. Так, ранее замеченное канцлером ВКЛ несоответствие между постулируемой традиционностью титула «царя и самодержца» и фактическим его отсутствием в составе зафиксированных документально официальных именовании предшественников Бориса Годунова теперь интерпретируется московской стороной исключительно как произвол польско-литовских монархов и причина напряженных отношений между государствами: «... преже сего к великимъ государемъ нашим, царем Російским, короли Польские і великіе князи Литовские писывали без царского именованья *по своему безмърю*, і за то и по се время меж великих государей наших нелюбие и крови многие за то лились» [8, с. 116].

Кроме того, прямолинейная логическая аргументация в речи М. Г. Салтыкова-Морозова уступает место аргументации «ad hominem», затрагивающей эмоциональные и мировоззренческие установки литовских оппонентов. К числу таких манипулятивных коммуникативных тактик следует отнести: 1) апелляцию к чувствам («Жигимонтъ король и ныне великому государю нашему *нелюбие свое оказываетъ*, его царское величество описует не с полным царским именованьемъ» [8, с. 118]), которая акцентировала несоответствие эмоционального отношения сторон друг к другу и, соответственно, должна была побудить к проявлению ответных симметричных реакций («*Почтитъ* государь вашъ Жигимонтъ король великого государя нашего, і царское величество против *учнетъ его чтить*; а не *почтитъ* король, і великіи государь нашъ против *не учнетъ чтить*» [8, с. 129]) и 2) апелляцию к «Божьей справедливости» («А только царского именованья и титлъ сполна не напишет, і вперед за то, что учинитца меж государей наших и меж іх государствъ, и *того Богъ възыщетъ на государе вашемъ и на васъ*» [8, с. 131]). Этот аргумент, очевидно, чрезвычайно взволновал литовских переговорщиков – панов Рады, которые «отшел, думали много».

Заклучение. Несмотря на все усилия русских дипломатов, Сигизмунд III все же отказался признавать царский титул и вносить его в текст перемирного соглашения. Это, однако, не означало, что избранная московской стороной коммуникативная стратегия оказалась неэффективной. Напротив, ее следует считать вполне успешной, что красноречиво подтверждают слова одного из основных участников титулатурных баталий – канцлера ВКЛ Льва Сапеги: «И сами въдаем, что *пригоже государю вашему с царскимъ титуломъ писать*. Коли ему, государю, Богъ дал, кому того не дать? Только то будет вперед, как будете сами сходитьельны» [8, с. 156]. Таким образом, в титуле «царя и самодержца» литовская сторона, не оставлявшая надежды заключить с Москвой выгодный для себя «вечный мир», увидела возможный рычаг давления на несговорчивого восточного соседа, и поэтому не спешила с официальным подтверждением легитимности царского титула, хотя фактически признала права русского монарха на него. Это стало значительным достижением русской дипломатии, результатом совершенствования навыков дипломатического общения и поиска эффективных коммуникативных стратегий и тактик в условиях титулатурной войны, которая так и не была завершена из-за внезапной смерти царя Бориса Годунова и последовавших за этим событий Смутного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терентий, Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л. М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 47–56.
2. Бубнова, И. А. Дипломатический дискурс в психолингвистическом аспекте / И. А. Бубнова, Л. М. Терентий // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – Т. 10, вып. 1. – С. 68–75.

REFERENCES

1. Terentij, L. M. Diplomatičeskij diskurs kak osobaya forma političeskoj komunikacii / L. M. Terentij // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2010. – № 1. – S. 47–56.
2. Bubnova, I. A. Diplomatičeskij diskurs v psiholingvističeskom aspekte / I. A. Bubnova, L. M. Terentij // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya komunikacija. – 2012. – T. 10, vyp. 1. – S. 68–75.

3. Яппарова, В. Н. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования / В. Н. Яппарова // Филология и культура. – 2016. – № 2 (44). – С. 165–170.
4. Филюшкин, А. И. Титулы русских государей / А. И. Филюшкин. – СПб.: Альянс-Архео, 2006. – 256 с.
5. Хорошкевич, А. Л. Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года / А. Л. Хорошкевич // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 23–42.
6. Pilgrimovijus, E. Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė į Maskvą, 1600–1601 m. / E. Pilgrimovijus ; parengė Jūratė Kiaupienė. – Vilnius : Žara, 2002. – 112 p.
7. Pielgrzymowski, E. Poselstwo i kratkie spisanie rozprawy z Moskwą, Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / E. Pielgrzymowski. – Warszawa, 2010. – 453 s.
8. Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. СПб., 1867–1916. – Т. 137 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, 1598–1608 гг. – 1812. – 830 с.
9. Бычкова, М. Е. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 гг. : воплощение идеи власти государя / М. Е. Бычкова // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1993. – Vol. 34. – P. 245–255. DOI 10.3406/cmr.1993.2351
10. Прохоренков, И. А. Проект польско-российской унии на страницах дневников Гелиаша Пельгримовского / И. А. Прохоренков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63, вып. 3. – С. 702–717. DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.302
11. Флоря, Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. / Б. Н. Флоря. – М. : Наука, 1973. – 224 с.
12. Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. / Н. М. Карамзин. – 2-е изд. – СПб. : Тип. Н. Греча 1816–1829. – Т. XI. – 1824. – 321, 157 с.
13. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 48 с.
14. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 5-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
15. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации; пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
3. Yapparova, V. N. Diplomaticeskij diskurs kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya / V. N. Yapparova // Filologiya i kul'tura. – 2016. – № 2 (44). – S. 165–170.
4. Filyushkin, A. I. Tituly russkikh gosudarej / A. I. Filyushkin. – SPb.: Al'yans-Arheo, 2006. – 256 s.
5. Horoshkevich, A. L. Carskii titul Ivana IV i boyarskii «myatezh» 1553 goda / A. L. Horoshkevich // Otechestvennaya istoriya. – 1994. – № 3. – S. 23–42.
6. Pilgrimovijus, E. Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė į Maskvą, 1600–1601 m. / E. Pilgrimovijus ; parengė Jūratė Kiaupienė. – Vilnius : Žara, 2002. – 112 p.
7. Pielgrzymowski, E. Poselstwo i kratkie spisanie rozprawy z Moskwą, Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / E. Pielgrzymowski. – Warszawa, 2010. – 453 s.
8. Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva: v 148 t. SPb., 1867–1916. – T. 137 : Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom, 1598–1608 gg. – 1812. – 830 s.
9. Bychkova, M. E. Obyrady venchaniya na prestol 1498 i 1547 gg. : voploshchenie idei vlasti gosudarya / M. E. Bychkova // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1993. – Vol. 34. – P. 245–255. DOI 10.3406/cmr.1993.2351
10. Prohorenkov, I. A. Proekt pol'sko-rossijskoj unii na stranichah dnevnikov Geliasha Pel'grimovskogo / I. A. Prohorenkov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. – 2018. – T. 63, vyp. 3. – S. 702–717. DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.302
11. Florya, B. N. Russko-pol'skie otnosheniya i baltijskij vopros v konce XVI – nachale XVII v. / B. N. Florya. – M. : Nauka, 1973. – 224 s.
12. Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossijskago : v 12 t. / N. M. Karamzin. – 2-e izd. – SPb. : Tip. N. Grecha 1816–1829. – T. XI. – 1824. – 321, 157 s.
13. Parshina, O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity Rossii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.01 / O. N. Parshina. – Saratov, 2005. – 48 s.
14. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi / O. S. Issers. – Izd. 5-e. – M. : Izdatel'stvo LKI, 2008. – 288 s.
15. Deik, T. A. van. Diskurs i vlast': reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii; per. s angl. / T. A. van Deik. – M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. – 344 s.